

Глава 1.

— На что ты готов ради веры, мой мальчик? — Падре смотрел на него с выражением благоговения, сквозь которое прорвалось плохо скрываемое нетерпение.

— Дамиан, в чем дело?

Он почувствовал, как у него защипало в глазах, как горячий щекочущий на морозе след протянулся по щеке. Что-то капнуло ему на ладонь.

— На все, Падре, — ответил Дамиан, борясь с дрожащими замерзшими губами и окоченевшими пальцами.

Он с трудом разжал их и бросил факел в очистительный костер своей матери.

*

Мороз ужалил его заслезившиеся глаза, а ветер наградил несколькими ледяными пощечинами. Лошадь под Дамианом переступила с ноги на ногу, и он моргнул, вернувшись мыслями к настоящему и замешкался, разглядывая суматоху: черные рясы мелькали по фоне первого снега, зажженные факелы шипели и плевались огненными искрами, запряженные кони всхрапывали, тяжелые цепи гремели, металлическая клетка лязгнула, словно заскулившая собака, получившая хорошую трепку.

Спешившись, Дамиан передал повод в руки подбежавшего щуплого конюшего мальчика и оглянулся в поисках старосты деревни. Того как раз выволокли из дальней хижины — вырывающегося и бранившегося на всю улицу. Домашний халат распахнулся, обнажив волосатое пузо и скукожившийся от холода отросток. Босые ноги раскраснелись, оставляя на снегу длинные полосы следов: будто свинью на убой тащили.

— Отпустите, лилитские псы! — верещал он угрожающе, брызгая слюной. — Куда вы меня ведете?!

Деревня всполошилась: из дверных проемов повысыпали дети, за ними стали высовываться из окон мамыши в ночных чепчиках. Когда старосту дотащили до Дамиана и швырнули ему в ноги, деревенское мужичье продрало глаза от вечерних попоек и сгрудилось кольцом вокруг незваных гостей.

— Да вы знаете, кто я такой?! — староста попытался гордо встать, но тяжелый сапог конвоира двинул его в спину, и жирдяй снова завалился в снег.

— Разумеется, я знаю. — Дамиан завел руки назад, подражая беспристрастной позе своего наставника, и продолжил. — Неужели вы думаете, что мы имеем привычку вытаскивать из постелей шлюх всех без разбора?

— Да как вы смеете! — взревел староста. — Вы меня с кем-то спутали! Я чту законы Князя мира сего! Вы, храмовники, совсем из ума выжили!

Дамиану даже не пришлось открывать рта — сапог стража вновь прилетел ровнехонько по печени. Староста взвизгнул и скрючился, обнимая себя руками. Из его рта вырывалось сердитое шипение. Дамиан обвел взглядом деревенских жителей. Мужики, кто с похмелья, кто — пьяные вдрызг, нахохлились, точно индюки, хмурились и зажимали кулаки. Он с легкостью читал по их лицам: старост по обыкновению не жалуют, но своих в обиду пришлым не дают. Коли набедокурил — так и пусть ответ держит перед своими. Гневный ропот рождался в круге, как злобный рык — в пасти ощерившегося пса. Да только не по зубам им был храмовый волк.

— Люди должны вести себя так, чтобы их отношения не требовали вмешательства короля и Храма. — Вместе со словами в морозный вечерний воздух взвился пар. — К вам на проверку был отправлен инквизитор Традоло — он пропал вместе с сопровождающими. Мы прибыли сюда по приказу господина нашего, короля Горлойса, и Падре Сервуса, дабы исполнить их волю — отыскать следы и расследовать преступление.

Дамиан заметил, что воинственности в поведении деревенских поубавилось — они стали переглядываться, волнение и испуг плескались во взглядах, страх зажимал их губы. Любопытные дети перестали вжиматься носами в окна, видимо, были утянуты матерями вглубь домов.

— Если вы знаете, что с ними стало — говорите и снимите вину с головы вашего старосты.

Тишина. Только фыркали лошади, тряслась металлическая сбруя да шелкали на резком ветру плащи.

— Ясно. Старосту — на допрос, Храмовники займут его дом. — Распорядился Дамиан, напряженно вглядываясь в публику.

Под ложечкой засосало, он ждал, что мужики воспротивятся, разжал руки и уже тянулся пальцами к рукояти кинжала. Он был готов к драке даже тогда, когда старосту подняли и потащили к клетке — посидит, померзнет, подумает над тем, как давать правильные ответы. Но вид обреченного на храмовое судилище человека не топит сердца

и не закаляет волю защищать, нет. Это Дамиан знал очень хорошо. Никто не хочет оказаться на месте старосты — а первый, кто рванет на выручку, определенно окажется там же. Никто не желает быть первым. Поняв, что очередная деревня только подтверждает его предположения, Дамиан расслабил пальцы. Мужики спешно расходились, занавески на окнах плотно задерживались.

— Я приказал перенести твои вещи внутрь и обыскать дома, не дожидаясь утра. За деревней возле могильника наши нашли обрывок сгоревшей белой тряпки. Пока говорить трудно, но даже это можно вынести на суд, как доказательство. Ставлю пинту сидра, что староста замешан в продаже зерен. Как пить дать, Традоло нашел в его бумажках признаки подпольных сделок. Отчекрыжим голову старосте — и дело с концом.

Дамиан искоса посмотрел на своего подручного — капитана Вареса. Тот привычным отточенным жестом закрутил усы вверх, словно этим движением ставил на кон не только пинту сидра, но и собственное достоинство.

— Здесь пропали семеро Храмовников, Варес. Даже всей ватагой напади — от них осталось бы больше, чем лоскут белой ткани. Думаешь, деревенщины на такое способны?

— Да всех их тут Лилит веревочкой связала, — пожал он могучими плечами.

— Здесь наверняка будет гранатовый след, но надо понять, что произошло. У нас за последние полгода пропали три отряда.

— Так то когда было. Да и разобрались уже. Одних в ночи задрали волки или бешеные псы, вторые заплутали и утонули в болоте. Я видел место — там не было нападения.

— Или мы чего-то не знаем, — хмуро сказал Дамиан и добавил. — Пусть наши не болтают. Я пройдушь пока.

— Я прослежу, чтобы ребята держали морды на замке. — Варес кивнул и, отдав честь, ушел исполнять распоряжение, поскрипывая сапогами по снегу.

Дамиан окинул площадь пристальным взглядом, пытаясь отыскать признаки чего-то необычного. Затем поправил плащ и отправился изучать деревню, готовящуюся ко сну. Продуваемые неистовыми порывами ветра улицы обвивали здания крысиными хвостами, пересекались и сливались, будто желали превратиться в крысиного короля. Дамиан шагал вперед не с какой-то определенной целью, а скорее повинаясь внутренней чуйке. Заглядывал в окна хижин, тянул носом воздух, несший разряженный аромат приближавшегося снежного бурана и хлева, присматривался к реакции собак и скота.

Пошел снег — зима охотно показывала морозные зубы.

Дамиан обошел деревню четырежды: за сына, отца, короля и Князя мира. На каждом перекрестке оставил пучок священной белой омелы — защита от злых чар, колдовства и гневливых неупокоенных духов. Возможно, думал он, Варес прав, и пропажи трех отрядов не связаны между собой, а он зря волнуется. Да только что-то здесь было не так. Три отряда Храмовников, вооруженные железом, благословением омелы да божьим словом, пропали без вести, не оставив после себя ни тел, ни одежды, ни следов борьбы. Глубоко задумавшись, Дамиан замер, сидя на корточках и теребя руками только что опущенную на землю ветвь омелы. И вряд ли бы заметил шмыгнувший в сгустившихся сумерках силуэт, если бы об его ногу не захотел обтереться назойливый кот, требующий ласки. Отогнав хвостатого, Дамиан вскинул голову и заметил колыхнувшуюся тень. Она пробралась вдоль забора, ограждавшего деревню от диких животных и незваных гостей. Спешно скинув с себя белоснежную котту без рукавов, которая могла его выдать в темноте, он прокрался следом за беглецом. Пригнувшись, словно полосатая камышовая кошка на охоте, Дамиан увидел, как человек сдвинул доску в штакетнике и выскользнул по ту сторону забора.

Крадучись, Дамиан попытался пролезть следом, но быстро понял, что скорее намертво застрянет в своей кольчуге. Он мог бы и перепрыгнуть штакетник, но боялся упасть и сломать его, тем самым спугнув преследуемого беглеца, которому явно было что скрывать. Смирившись, что скорость сейчас важнее безопасности, он стащил кольчугу и смог протиснуться между досками.

Выбравшись по ту сторону, Дамиан почти наощупь спустился с пригорка — света от факелов едва хватало. Он остановился от звука хлюпающих по воде сапог, забредя в камышовые заросли и едва не провалившись по колено. Вода под ногами казалась черным стеклом и отражала небо, как солью, присыпанное звездами.

— Ладно, — выдохнул он пар изо рта и, поежившись от холода, вытащил из правого уха серьгу «санграл». Зацепив небольшой рычажок, он вскрыл ее и капнул в рот жидкость. Горькая сладость разлилась по языку. — Я несу имя свое, как кинжал, который пронзает тьму и чары и оставляет на зле жгучие отметины божественного пламени. Я, Дамиан Баргаст, призываю твое благословение, Князь мир сего. Снизойди к рабу своему и проложи путь ко злу.

Волна дурноты прокатилась по телу, затерявшись в волосах и впитавшись в пальцы на ногах. Глаза защипало, будто в них воткнулись тысячи осколков, но ночь постепенно из

черной стала серой. Дамиан теперь различал отдельные снежинки, падающие с неба, и четкие следы на мокрой земле. Он встал на ближайший след — его ступня как будто приросла к земле. Затем поставил свободную ногу вперед на **следующий** след, и пошел вперед, внезапно начав прихрамывать. Дамиан знал — попытайся он сейчас сойти со следа, лишь зазря потратит силы и выдохнется. Князь не любил шутников и баловников — его дары должно использовать серьезно. Святая вода была крайне редка и доставалась лишь инквизиторам, отправленным по делам Храма. Она могла исцелить, прибавить истощенному телу сил, а при удвоенной порции — даровала княжево благословение. Храмовники так и называли этот дар — «встать на след». Инквизитор, испивший благословения, становился послушной ищейкой Князя — на их коттах потому и скалился серый волк, символ инквизиторского сана.

Пока Дамиан *шел по следу*, снег усилился, кружевной завесой цепляясь к ресницам и запутываясь во взлохмаченных волосах.

Обойдя озеро — а теперь Дамиан точно видел, что это оно — по илистой почве, норовившей затянуть его ноги по колено, он резко остановился. Что-то было в воздухе: напряженное, мрачное, недоброе. Ветер выл, словно волк, вышедший на смертельный поединок. Он закручивал снег по спирали, цепляясь за штаны и рубаху Дамиана, раскачивал в бесноватой пляске голые ветви деревьев и гнул камышовые заросли до самой земли, а потом будто устал и исчез в небесной синеве. Снежный вихрь обессиленно осел на землю. Стало так тихо, что Дамиан покрылся мурашками от липкого ощущения страха и проглотил пробкой встрявший в горле ужас.

Ночь, мальчик мой, время Лилит и дочерей ее.

— Не бойся тьмы, Дамиан, — раздался тихий хриплый смех за его спиной.

Он развернулся. Вельва застала его врасплох, значит и вести в драке будет она. Дамиан помнил наставления — ни за что не дай вельве ударить первой. Они быстрее, умнее и хитрее любого человека. Но эта как будто и не спешила нападать. Она стояла напротив него и улыбалась.

— Не бойся, — повторила она с таким же лающим смехом. — Не бойся тьмы, Дамиан. Как она не боится костей твоей гниющей души, серой и жуткой. Она примет тебя, *mi corazon*.

«*Мое сердце*» — горло перехватил спазм — так Дамиана называла мать. Ровно до того дня, как он сдал ее инквизиции. И сам же бросил в ее костер факел. Костер, пламя

которого преследовало его в ночных кошмарах до сих пор. И запах. Вонь дыма, горелого мяса, горечь омелы и сладость граната.

— Заткнись, вѣльва! — рявкнул он, смыкая пальцы на рукояти меча. — Где мои люди?

Он надеялся вопреки здравому смыслу, что она приоткроет завесу над судьбой семи храмовников, хотя и знал, что отродья Лилит никогда не говорят правду. Ложь — вот и все, что можно выменять у вѣльвы.

— Твои люди у твоих богов.

— Ты убила их.

— Нет, не я, — губы вѣльвы растянулись в пугающей улыбке, больше напоминающей хищный оскал.

Дамиана как будто окатило ушатом холодной воды из озера. Он взмолился, чтобы это была кровь, его интуиция вопила убираться.

— Так ты все-таки боишься, трусишка. — Красная слюна потекла из уголка губ.

Да.

— Нет, — солгал он. — Сдавайся, вѣльва. За убийство семерых храмовников тебя ждет отлучение от Храма и очищение через огонь.

Она расхохоталась, взмахнув руками, точно взлетающая птица. То был жест интимный, плавный — такими пользуются бархатные девушки в бархатных домах, зазывая прикоснуться к себе. Дамиан залюбовался им и выругался, когда не удалось приблизиться. Меч бесполезен против вѣльвы на таком расстоянии. Дамиан почти даже порадовался, что ему попалась такая болтливая нечисть.

— Зачем мне твой храм! — Последнее слово она буквально выплюнула. Алая пена запузырилась на губах. — Если у меня есть ночь. Пугающая, успокаивающая, дарующая отдых. Ты знал, пес, что есть темнота любовников и темнота наемных убийц? Она для всех ее детей такая, какой ее хочет видеть вызывающий. И я воззвала ее, чтобы покончить с тобой. Ты убил семь моих сестер, мясник, и ответишь за это перед ликом ночи.

Вѣльва раскрыла сжатую в кулак ладонь — Дамиан ощутил, как по спине скатывается ледяной пот. Он чувствовал его даже на таком холоде. Его благословленное

зрение позволило различить во мраке семь гранатовых зерен. Полураздавленных, пустивших сок, с почерневшими косточками, но зрелых — кроваво-красных.

— Как ты сохранила их?

— Князь благословил. — Вёльва ухмыльнулась.

— Вот уж сомневаюсь! — Дамиан рванул вперед прежде, чем выдохнул ответ.

В два прыжка он настиг ее и замахнулся — и в этот удар вложил всю свою силу и страх. Лезвие уже оцарапало ее кожу, пустив первую кровь, но вёльва извернулась — ее тело, казалось, напрочь лишилось костей. Она танцующи отскочила, вскинула узловатые пальцы, шевельнула ими, и Дамиан оступился. Рухнул, как подкошенный, на колени и схватился за грудь. Острый, невыносимый яд вгрызся в него, терзал его вены едкой кислотой. Дамиан судорожно втянул воздух и сумел лишь просипеть от боли.

— Сладкий, сладкий *mi corazon!* — Вёльва приблизилась. Ее пальцы застыли, скрюченные в напряжении — его сердце в ее руках. — Я знавала твою мать, Евелессу. Она была одной из лучших, щенок. Ушла, оставила ковен, чтобы вырастить тебя, пиявку.

Низкое мурчание ее голоса вибрировало через все его тело, но ни пошевелиться, ни глубоко вдохнуть Дамиан не мог — сердце корчилось в агонии. И единственное, о чем он мечтал — побыстрее умереть. Но вёльва, похоже, хотела напоследок поиздеваться над ним. Она вскинула указательный палец, и Дамиана подтянуло вверх — ему пришлось подняться, иначе плечи просто вывернуло бы из суставов. Он клацнул зубами, пытаясь удержать в себе крик боли, но укусился за язык. Во рту расцвел металлический привкус.

— Убей. Уже, — процедил он на выдохе.

— Ну как же. Вот так просто? И совсем не поговорим, малыш?

— Не о чем. Разговаривать. — Дамиан чувствовал, как немеют плечи. — Ты. Все. Равно. Солжешь.

— Ты думаешь, я сказала бы тебе хоть слово неправды? — вёльва негодуя покачала головой. — Твоих людей действительно убила не я, мясник. Не дети ночи начали эту войну и не мы в ней убиваем.

— Семь человек, — слабо выдавил Дамиан. — По-твоему... это... не убийство?

Вёльва пожала плечами.

— Мы лишь защищаемся. Но к убийству твоих пиявок я не имею отношения. Я жила в этой деревне тринадцать лет, мясник. Помогала этим деревенщинам все эти годы. Лечила, зашивала, принимала роды, спасала от заражений и отгоняла нечистых духов. Я спасала их! А твои храмовники...

Арбалетный болт сбил ее с ног. Пальцы, которые она держала безупречно стабильно, расслабились. Она захрипела, корчась от боли на земле.

Когда веревки ее чар упали на землю, Дамиану понадобился всего один удар. Грудь налилась пустотой в том месте, где несколько мгновений под кожей копошились черви боли, и он занес руки для удара.

— Не я их убила, а Традоло. И'лисса амок. Он разорвал их. — Кровавая пена на ее губах запузырилась.

Меч вошел легко, как нож — сквозь растопленное масло, и скрежетнул, задев позвоночник.

— Ложь.

И пока Варес бежал к нему с пригорка, Дамиан выдернул меч и распрямился. Плечи нещадно ныли. Он не заметил, когда ночь стала таять. Сдвинув брови, он посмотрел на солнце — а точнее, на едва различимый пурпурный мазок над восточным горизонтом, где оно вскоре собиралось появиться.

— Твою мать, Баргаст. Ты в порядке?

— Да. Надо соорудить костер и спалить ее останки.

Варес закинул арбалет на плечо и оглядел тело мертвой вельвы, цокнув языком.

— Я чуть не промазал. Думал, что снесу тебе полбашки.

— Подумаешь, одним шрамом больше, — Дамиан криво ухмыльнулся, хотя его сердце все еще дико колотилось.

— Не хотелось бы портить твою бархатную морду. Это и так самое ценное, что у тебя есть. Кроме того, твоему брату ты нужен хотя бы затем, чтобы сдерживать его непомерное самолюбие.

— Ты знаешь, что я не угроза его самолюбию. Как ты понял, где я?

Варес вытащил из-за пазухи запечатанное письмо.

— Гонец на взмыленном коне. Гнал, что сама Лилит. Чуть не сбил с ног. Сказал, что это от епископа.

Дамиан хотел повторить свой вопрос, но все же отвлекся, взял протянутое письмо, оставив на пергаменте кровавые отпечатки, и взломал печать с оскалившейся волчьей мордой. Взгляд пробежал по нескольким коротким строчкам: буква к букве, как храмовые мальчишки в хоре.

— Отдых? — с надеждой осклабился Варес, хотя они оба понимали, что взмыленная лошадь не принесет гонца с письмом о долгожданной отлучке.

— Нас вызывают в Лацио по делам Храма и короля, — фыркнул Дамиан, но тут же посерьезнел, глядя на бездыханное тело. — Мне надо смыть с себя остатки ее порчи.

Резюме: мне нравится, что действие начинается сразу. Есть атмосфера, появляется сеттинг. Стартовая сцена просто огонь для раскрытия главного героя. Сразу две интриги: что толкнуло Дамиана сжечь мать? Что он чувствует по этому поводу? И куда пропадают отряды храмовников, да еще и семь вэльв куда-то подевались. Читать интересно, сразу цепляешься.

Вижу две основные проблемы:

- 1. Автор не видит картинку: сначала кажется раннее утро, еще затемно, все только проснулись, потом вечер, все только идут спать, а тут уже солнце встало. То снег лежит, по нему мечутся черные рясы, волокут старосту и он оставляет следы. Стоит выйти за околицу, жидкая грязь по колено. То мороз, то гарцуем в одной рубашке всю ночь под штормовым ветром. То пахнет бураном, то ветер внезапно останавливается (зачем?) То беглец и явно фигура мужчины (в условно средневековых сеттингах мужской от женского силуэты отличались кардинальным образом. Даже в штанах. Тогда не было унисекса и оверсайза). Поэтому внезапное появление вэльвы кажется отдельным явлением от преследования беглеца. Что говорит о том, что вэльва - это вэльва? Что говорит о том, что Дамиан боится? Что говорит о том, что пропавший инквизитор в деревне вообще был? Картинка не складывается.*
- 2. Не задается вопрос «Зачем это здесь?» и не виден на него ответ. Объясню: Зачем сцена со старостой? Очевидно для пояснения экспозиции: какова задача храмовников в этой деревне. Тогда к чему какая-то «шлюха», из чьей постели его вытащили? Почему его не допросили, чтобы как раз пояснить экспозицию? Зачем обвинять его, если экспозицию все равно объявили вслух для толпы? Надо было показать жестокость и слепоту системы? Все равно кого наказывать, лишь бы был крайний? Тогда следовало его допросить и повесить, притом, что читателю стала бы ясна невиновность старосты, а для сопереживания нужно в качестве детали дать не шлюху, а, например, плачущих детей в его доме или защищающую его собачонку, которую убьет сапогом один из канвоиров, а староста зальется слезами. Что мы вообще должны были к нему чувствовать? Это надо*

программировать вот такими деталями и конструированием выдачи экспозиции. Сейчас он нам неприятен и не несет никакой функции. Не противопоставляется справедливому Дамиану или жестокому и бездушному Дамиану. Он просто зачем-то был упомянут. А финальное письмо говорит о том, что всю эту ситуацию сейчас забудут и поскачут себе назад.

Зачем заклинание, если следы отчетливо видны как на снегу так и по грязи? Варес вон нашел, не напрягаясь.

Зачем снимать кольчугу? Риск безопасностью должен был сработать, а значит угроза должна была исходить от оружия, а не магии, которой пофиг на доспех. Зачем столько болтовни от вёльвы? Вроде бы она должна выдать экспозицию и свою мотивацию, обозначить расстановку и позиции сторон, тогда зачем циклиться на его страхе, смехе и призывных жестах, которые ни к чему не ведут?

Зачем было упоминание яда? Зачем косточки граната? Они вроде как намекают на «гранатовый след» но к моменту появления читатель о нем уже не помнит и персонажи об этом не упоминают, им важнее сохранность зерен, хотя они раздавлены... Почему подмечена именно эта деталь? Почему мы видим кровь изо рта вёльвы, но не понимаем, как Дамиан ее определил как вёльву?

У всего в тексте должна быть своя цель, задача и место. Если вещи связаны, автор должен их связать так, чтобы не приходилось перечитывать и ловить концы оборванных ниточек. Напомнить, сделать акцент и разложить детали на пути читателя, как зернышки для птички, по которым птичка попадет в силос.

Моя рекомендация: старосту допросить и в ходе пыток прояснить всю экспозицию об исчезновении отряда, гранатовом следе, роли инквизиции и стиле работы религиозного правосудия. Параллельно раскрыть характер Дамиана, как жестокого фанатика, который тоскует по матери и его точит червячок сомнения (не уверена, что это именно так). Вёльву связать с происходящим и заставить бежать по очевидной причине. Например, ее вёльвность видна с первого взгляда (третий глаз там у нее во лбу или как он определил?), а селяне ее покрывают, потому что она им колдует на пользу. Тут надо раскрыть позицию народа: либо они ненавидят храмовников, но боятся лезть в прямой конфликт, тогда они помогают сбежать вёльве и инквизитор сжигает всю деревню с женщинами, детьми и скотиной. Либо они из страха перед храмовниками способны на любое предательство и выдают вёльву, несмотря на все добро, что она для них сделала и она бежит, слыша, что на нее донесли. Тогда и расстановка сил яснее будет и преследование логичнее. Все храмовники пустятся в погоню, но найдет Дамиан, потому что у него есть святая вода и заклинание, а Варес наткнется потому, что был неподалеку и услышал крики. Тогда глава выполнит свою задачу: читатель все поймет про сеттинг, получит интригу, представление о главном герое и расстановке сил.